

В.Л. Тамбовцев

д.э.н., профессор, гл.н.с., Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова

НЕПРОДУКТИВНОСТЬ ПОПЫТОК МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СИНТЕЗА^{1,2}

Аннотация. Статья посвящена попыткам найти «третий путь» между методологическим холизмом и методологическим индивидуализмом. Проанализирована динамика развития этих принципов. Показано, что каждый из них состоит из базового онтологического принципа и объясняющих вариантов, причем последние в настоящее время весьма близки друг к другу. Представлен анализ семи попыток найти методологический «третий путь» и показано, что они основаны на некорректном понимании методологического индивидуализма. В заключительной части статьи предложено направление взаимодействия исходного экономического институционализма и новой институциональной экономической теории, которое может помочь уйти от конфронтации.

Ключевые слова: методологический холизм, методологический индивидуализм, «третий путь».

JEL: B15, B25, B52.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10301

Если до начала 1980-х гг. в экономической науке имелись только два «базовых» институционализма — исходный (старый, или оригинальный; термин «институциональная экономика» был введен в [Hamilton, 1919]) и новый (новая институциональная экономическая теория, далее — НИЭТ; термин был введен в [Williamson, 1975. P. 1]), то к настоящему времени их число возросло радикально, почти в пять раз³. Поскольку представителям этого многообразия экономических институционализмов присущи несовпадающие направления и методологии исследований, а два «базовых» институционализма также ощутимо различаются своими исследовательскими методами, с точки зрения перспектив развития экономической науки большой интерес представляет выявление и оценка возможностей в некоторой степени *интегрировать* возникшее множество институционализмов. Поскольку, как показывает анализ «сверхновых» институционализмов, они так или иначе являются развитием одного из «базовых», сопоставление методологий последних представляется той основой, на которой можно подойти к решению упомянутой задачи.

Особую значимость в этой связи представляют сделанные в течение прошедшего полувека несколько попыток сформировать методологические концепции, отличающиеся, по оценкам их авторов, как от методологического холизма (далее – МХ), так и от методологического индивидуализма (далее – МИ), которые, по мнению многих исследователей, лежат в основе, соответственно, исходного институционализма и НИЭТ. Ведь если хотя бы одна из этих попыток удачна, вероятность решения задачи создания обобщенной институциональной экономической теории, вбирающей в себя все существующие сегодня

¹ Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

² Исследование поддержано внутрифакультетским грантом 2020 г. экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова «Внутридисциплинарный дискурс в экономической науке: основания, ограничения, перспективы и приложения»

³ За тот же период в организационной теории появилось шесть новых институционализмов, а в политической науке – восемнадцать.

институционализмы, существенно возрастает, а экономическая наука, возможно, получает осязаемый импульс к дальнейшему развитию.

Решение задачи оценки продуктивности предложенных интегративных вариантов МХ и МИ и является целью данной статьи. В первом разделе кратко характеризуются основные черты МХ и МИ и направления развития этих принципов. Продемонстрировано, что базовые варианты МХ и МИ несовместимы, в то время как последующие трактовки методологически очень близки, так что в какой-либо дополнительной интеграции в целом не нуждаются. Во втором — главном — разделе статьи дана характеристика основных обнаруженных в литературе попыток интеграции МХ и МИ и показано, что большинство из них фактически дают иные названия принципу МИ, исходя из некорректной трактовки его действительного содержания. Поскольку рассмотренные подходы вызвали разное внимание со стороны исследователей, степень детальности их анализа в статье также различна. В заключительном, третьем, разделе высказаны некоторые практические соображения относительно возможного способа сближения исходного институционализма и НИЭТ.

1. Интегрируемые принципы

В одну телегу впрячь не можно...

А. С. Пушкин

Будучи исследовательскими принципами, как МХ, так и МИ имеют некоторые исходные (базовые) основания онтологического характера и разнообразные «вторичные» выводы из них, которые могут быть самого разного типа. В двух последующих подразделах я вкратце рассмотрю как базовые компоненты МХ и МИ, так и основные выводы из них, которые делают исследователи.

1.1. Методологический холизм

Исторические корни холизма восходят к античной философии [Лихтер, 2017], ко временам, когда существование и действия надличностных существ, таких как олимпийские боги, считалось очевидной реальностью, не нуждавшейся в доказательствах.

В виде философского реализма он продолжил свое существование, приняв в Новое время, особенно в XIX в., форму *органицизма* в юриспруденции — концепции, согласно которой государство представляет собой целостный организм, существующий во многом независимо от людей, входящих в него [Coker, 1910; McCloskey, 1963; Tunander, 2001; Stogiannos, 2019]. Из юридической науки, — практически единственной социальной науки, существовавшей в то время (не считая, конечно, политэкономии), — органицизм перешёл в работы Э. Дюркгейма и в зарождающуюся социологию⁴.

Как полагал Дюркгейм, группы не просто существуют, но мыслят, чувствуют и действуют, и притом совсем не так, как это делают индивиды, из которых они состоят: «Разумы людей, формируя группы путем смешения и слияния (by mingling and fusing), рожают существо, если хотите, психологическое, но конституирующее физическую индивидуальность нового рода (new sort). В природе этой коллективной индивидуальности, а не в ассоциированных с ней единицах, мы должны искать прямые и определяющие причины наблюдаемых в ней фактов. Группа мыслит, чувствует и действует совсем не так, как поступали бы ее члены, будучи вне нее. Если мы начинаем с индивидов, мы не сможем понять ничего из того, что имеет место в группе» [Durkheim, 1938. Pp. 103–104; цит. по: Gordon 2003. P. 653].

Именно в этих словах, с моей точки зрения, содержится то, что образовало *базовые основания* МХ, или базовый МХ. Легко видеть, что группы, мыслящие, чувствующие

⁴ Некоторые исследователи разделяют его идеи и в наши дни, см. анализ в: [Канарш, 2015].

и действующие самостоятельно, если чем и отличаются от олимпийских богов античного холизма, то только своей силой, имеющей естественный (психологический), а не сверхъестественный характер.

Несмотря на данное отличие, в XX в. представления об автономности существования и действий групп, независимости этих действий от составляющих их людей вряд ли могли долго просуществовать: Л. Голдстейн еще в середине 1950-х гг. назвал тезис о том, что социальные системы могут существовать независимо от составляющих их частей (индивидов), *абсурдным* [Goldstein, 1956. P. 802]⁵. Понятно, что в таких условиях МХ не мог не трансформироваться, сохраняя при этом свое наименование как имеющий длительную историю «товарный знак».

Первая, онтологическая, форма «вторичного» МХ связана с подчеркиванием *системности* социальных явлений: «холизм означает, что феномены имеют смысл, функцию и релевантность только внутри более широкого контекста, поля отношений или «мира»» [Bubandt, Otto, 2010. P. 1]. «Методологический холизм — это гносеологическая философская предпосылка, суть которой состоит в понимании того, что «целое больше суммы своих частей»» [Кирдина, 2013. С. 105].

Само по себе, это широко распространенное выражение — не что иное, как метафора: ведь «больше, чем сумма» мало о чём говорит в силу полной неясности своего значения, — в каком смысле больше? По штукам, по весу, по размеру или как-то еще? Поэтому более продуктивен переход от метафоры к строгим, операционально определяемым понятиям. Так, неотъемлемая черта системности — наличие у целого *эмерджентных свойств*, отсутствующих у составляющих систему элементов. «Многие подходы к микро-макро связям явно опираются на эмерджентность, чтобы обосновать, что коллективные феномены совместно создаются индивидами, однако несводимы к индивидуальным действиям... Большинство авторов таких подходов исходят из того, что хотя существуют только индивиды, коллективы обладают эмерджентными свойствами, которые неизбежно сложны и, следовательно, не могут быть сведены к индивидуальным свойствам» [Sawyer, 2005, P. 63]. Соответственно, «холистическая позиция заключается в приоритетном рассмотрении целого с точки зрения новых качеств, возникающих при взаимодействии его элементов и отсутствующих у них самих» [Кирдина, 2013. С. 105–106].

Наличие у систем эмерджентных свойств — не только следствие *определения* понятия системы, но и эмпирический факт. Например, вода как совокупность молекул H₂O обладает свойством текучести (при определенных температурах), которого нет ни у водорода, ни у кислорода (опять-таки, при определенных температурах). Соответственно, невозможно а priori отрицать наличие эмерджентных свойств у социальных систем. Вопрос заключается в том, *что это за свойства*, как их выявить и доказать их эмерджентность? Ответ на него может иметь как *умозрительный*, так и *эмпирический* характер. Разумеется, для исследователей (в отличие от философов) предпочтительнее второй, однако здесь мы сразу переходим из сферы философской методологии в сферу методов конкретных эмпирических исследований, и ситуация с *демонстрацией* эмерджентных свойств социальных систем (а не с *провозглашением* их существования) сразу становится непростой. Ведь нужно не просто *заявить*, что свойство X — эмерджентное, а еще и *доказать*, что оно не сводится к свойствам элементов системы и их взаимодействиям (ведь взаимодействия элементов — такие же неотъемлемые компоненты системы, как и ее элементы). Подходы к решению этого вопроса представляют тему отдельного исследования, выходящего за рамки данной статьи.

⁵ Нельзя не отметить, что организменные трактовки марксистской философии конца позапрошлого века воспроизводятся иногда и в наши дни: согласно этой трактовке, «общество — многоплановый и многоуровневый целостный организм, а характеристики индивидов выводятся из характеристик институтов, а не наоборот» [Стрижак, 2013. С. 56].

Вторая, методологическая, форма «вторичного» МХ стала фиксировать специальные для социальных наук формы *объяснения*. Под МХ стали понимать убеждения в том, что социальные феномены, такие как институты, социальные структуры или культуры, должны *обязательно* иметь место в социальных науках и выступать как факторы объяснения наблюдаемых социальных явлений и процессов. Эти убеждения, как полагает Ю. Цале, «экземплифицированы в таких утверждениях, как “профсоюзы протестовали, поскольку правительство хотело снизить минимальную заработную плату” или “рост безработицы ведет к повышению уровня преступности”» [Zahle, 2016]. С ее точки зрения, такие «холистические объяснения могут быть противопоставлены объяснениям, которые выражены в терминах индивидов, их действий, убеждений, желаний и т.п.» [Ibid.].

Нужно заметить, однако, что такие различия в объяснениях могут быть *редакционными*, поскольку холистические варианты по тексту просто *короче*, чем индивидуалистические. Одновременно их содержание легко трансформируется в «термины индивидов, их действий, убеждений, желаний и т.п.». Например, смысл первого из приведенных выше объяснений не изменится, если его записать так: «руководители профсоюзов протестовали, поскольку члены правительства хотели снизить минимальную заработную плату». Второе «холистическое» объяснение переписывается в более длинную фразу, однако опять-таки не меняя его содержания: «чем выше доля безработных, тем больше становится индивидов, которые считают, что преступления не только можно совершать, но и что они выступают единственным способом как-то повысить свои доходы. Это приводит к повышению уровня преступности». В силу этого, объяснения, приведенные Цале, не только легко принимаются, но и часто используются, *для краткости*, — сторонниками МИ.

Подчеркну в заключение этого подраздела, что вопрос о том, достаточно или недостаточно объяснять изучаемое явление или процесс указанием на макрофактор, который, согласно результатам проведенного теоретического или эмпирического исследования, его породил (например: «рост безработицы повышает уровень преступности»), — это вопрос *не методологии* исследования, а соответствия или несоответствия такого объяснения *задачам*, которые ставит перед собой исследователь. Например, если задача — *обосновать меры* по снижению уровня преступности, то такого «макрообъяснения» явно *недостаточно*, поскольку есть и другие факторы, влияющие на этот уровень. Если же задача — выявить, *есть ли связь* между безработицей и уровнем преступности, то подобного объяснения вполне достаточно.

Конечно, объяснительный МХ не является *вынужденным* «смягчением» базового. Согласно Дюркгейму «социальная жизнь должна быть объяснена не понятиями тех, кто участвует в ней, но посредством более глубоких причин, которые не воспринимаются сознанием (are unperceived by consciousness)» (цит. по [Flew, 1985. P. 46]). Поэтому более «мягкие» формы объяснения, опирающиеся уже не на «непознаваемые» автономные социальные сущности, а на системные эмерджентные свойства, стали естественным шагом на пути движения в практическом использовании МХ.

Характерным следствием понимания надындивидуальных целостностей как действующих (имеющих цели, интересы, убеждения и т.п.) субъектов стало преобладание *функциональных* объяснений: как писал Дж. Эльстер, анализируя последствия следования МХ, «все институты или поведенческие паттерны имеют функцию, которая объясняет их существование» [Elster, 2003. P. 23] и которая заключается в их *позитивном влиянии* на ту или иную надындивидуальную целостность (обычно общество). «Такие события, как непрерывные изменения цен, возрастающая безработица, технологические изменения и т.п., и, конечно, институциональные реформы, — все должны быть объяснены посредством выявления того, какие системные и неличностные силы влияют на них и как они действуют» [Toboso, 2001. P. 767].

Однако, как замечает У. Джексон, «экономисты редко используют функциональные объяснения в явном виде, хотя иногда используют их неявно. В последние годы функциональное теоретизирование утратило свой фавор среди обществоведов, есть немного желающих применять функциональную терминологию» [Jackson, 2002. Р. 169]. Вместе с тем он считает, что у функциональных объяснений есть некоторые привлекательные черты, такие как установка на множественность причин, внимание к эмерджентности, а также соответствие философии реализма. «Функциональные методы сами себе не могут обеспечить полные причинные объяснения, но они в состоянии поднять важные теоретические вопросы, которыми часто пренебрегают в мейнстриме экономической теории» [Ibid.]. К этому можно добавить еще один аргумент в пользу функциональных объяснений: на самом деле, они могут быть *редакционной формой* индивидуалистических объяснений, когда за «неличной силой» скрываются вполне конкретные индивиды, которым выгодно осуществление действий, вызывающих «функционально» объясняемые события.

1.2. Методологический индивидуализм

Согласно исследованию Л. Удена [Udehn, 2002], МИ уходит корнями в античность, в воззрения софистов и Эпикура, которые на их основе создали понимание общества и его институтов как результат договоренности людей. То есть то, что позднее, уже в Новое время, получило название теории общественного договора, развитой в трудах Т. Гоббса и Дж Локка (см. также [Lukes, 1968]). Термин «methodological individualism» был введен Й. Шумпетером [Schumpeter, 1909], однако его теоретическая разработка — это заслуга М. Вебера [Weber, 1968], о чем ясно говорит и сам Шумпетер, используя этот термин.

Базовый вариант МИ характеризуется Вебером так: анализируя социальное, мы часто говорим о «социальных общностях, таких как государства, ассоциации, корпорации и фонды, как если бы они были индивидуальными личностями», утверждая, что они формируют планы, осуществляют действия, несут издержки и т. п. С точки зрения МИ все такие выражения — не более чем метафоры, и «в социологических исследованиях все такого рода общности должны трактоваться как результаты и способы организации частных действий индивидуальных личностей, поскольку только последние могут трактоваться как агенты в плане субъективно понимаемого действия» [Weber, 1968. Р. 13].

В понимании Вебера, «для социологических целей нет такой вещи, как коллективная персональность, которая «действует». Когда в социологическом контексте даются ссылки на государство, нацию, корпорацию, семью или военную часть, или схожие коллективы, это означает... только определенный тип развития реальных или возможных социальных действий индивидуальных личностей» [Op. cit. Р. 14].

Уден характеризует эти положения как «онтологический трюизм» [Udehn, 2002. Р. 489], которые, однако, утрачивают свою банальность, если учитывать контекст, в котором они прозвучали. Таким контекстом в социальных науках того времени (особенно в Германии) было отмеченное выше положение об автономном от людей существовании государства, наличии у него собственных целей, стремлении расширить свое «жизненное пространство» и т.п. Именно поэтому я считаю, что в основе МИ лежат приведенные утверждения Вебера.

Еще более четкую формулировку базового МИ дал позднее Л. фон Мизес: «Прежде всего, мы должны осознать, что все действия производятся индивидами. Коллективное всегда проявляется через одного или нескольких индивидов, чьи действия относятся к коллективному как ко вторичному источнику. Характер действия определяется смыслом, который придают ему действующие индивиды и все те, кого затрагивают их действия» [Мизес, 2005. С. 43]. Совсем кратко базовый МИ определяет Дж. Бьюкенен, говоря, что это такой подход к анализу, при котором «люди рассматриваются... как единственные субъекты, принимающие окончательные решения по поводу как коллективных, так и индивидуальных действий» [Бьюкенен, 1997. С. 39].

Явное введение МИ как методологического принципа в социальных науках было, разумеется, не самоцелью, а источником иных, отличных от МХ, исследовательских процедур, — определения понятий и осуществление объяснений. Здесь нужно подчеркнуть, что МИ *не предопределяет*, какое именно объяснение ему соответствует, за исключением того, что социальные феномены не следует объяснять *действиями и интересами надличностных сущностей*. Последние как результаты действий людей вполне могут существовать и влиять на индивидуальные решения и поведение (как и любая информация о внешней среде), у них могут быть те или иные эмерджентные свойства, информация о которых также способна влиять на принимаемые решения. Исследователи, разделяющие базовый МИ, вполне могут — для краткости — использовать названия таких конструкторов при описании своих результатов, не забывая, конечно, что обозначаемые соответствующими терминами феномены не действуют, а также не имеют ни интересов, ни целей.

Тем самым базовый МИ *не требует* непереносимого «сведения социальных феноменов к индивидуальному поведению» [Oliveira, Suprinyak, 2018. P. 27]. Действительно, как показано в [Zouboulakis, 2002], в выделенных им вариантах понимания МИ одними исследователями такая возможность принимается, а другими — нет. С моей точки зрения, чем эта возможность *действительно* определяется, так это тем, считаем ли мы, что практически любое индивидуальное действие — это на самом деле *взаимодействие*, учитывающее его внешние последствия как для других, так и для действующего индивида. Если мы так считаем, то различные социальные феномены вполне *сводимы* к тем или иным совокупностям схожих индивидуальных поведений. Они выступают в роли того общего, что имеется в действиях людей из этих совокупностей, как то, что можно считать *общим фактором* этих действий.

Например, социальная группа с ее эмерджентным свойством «влиять на своих участников» сводима к совокупности своих членов, хотя каждый участник может учитывать последствия своих действий для *разных* участников этой группы. Несмотря на то, что в группе позитивные отношения участников нетранзитивны, однако принадлежность к ней (идентификация себя как члена группы) оценивается как важная всеми, в силу чего ее члены, негативно относящиеся к некоторой ее части, вынуждены вести себя «как все», чтобы сохранить желаемую принадлежность (идентичность).

Если же мы не считаем, что действия суть *взаимодействия*, социальные феномены не сводимы к так понимаемым действиям. Для таких феноменов необходимо (желательно эмпирически, например – экспериментально) выявить их эмерджентные свойства, их содержание и механизмы возникновения. Понятно, что такие объяснения будут отличаться от приведенного выше примера с социальной группой.

В этой связи отмечу, что Н. Булле, характеризуя МИ как анти-редукционизм, вполне справедливо утверждает, что он «не определен относительно сущностей, в конечном счете включаемых в объяснение» [Bulle 2019. P. 161]. Однако продолжает это утверждение так: «...социальные структуры играют объясняющую или причинную роль, поскольку они действуют на субъективные значения и смыслы индивидуальных действий» [Ibid.]. Этот её вывод уже вызывает большие сомнения: ведь в рамках подобной логики «объясняющую или причинную роль» можно, как легко видеть, приписать также погоде, микробам и вирусам. Очевидно, все эти естественные феномены могут *повлиять* на восприятие, смыслы и значения человека, однако их трудно считать *причинами* его действий (если это, конечно, не иметь в виду «мыслящие вирусы» из произведений научной фантастики).

Между тем прямое сведение МИ к его *объяснительным последствиям* имеет широкое распространение среди современных исследователей социального. Так, автор масштабной книги «История и философия социальной науки» С. Гордон пишет: «Центральный тезис методологического индивидуализма был сформулирован Джоном Стюартом Миллем в его *Системе логики*. Говоря “О химическом, или экспериментальном, методе в социальных

науках», Милль заявлял: «Законы феноменов общества являются, и не могут быть ничем иным, как законами действий и страстей человеческих существ, объединенных вместе в общественное состояние... Человеческие существа в обществе не имеют свойств, кроме тех, что выведены из, и могут быть сведены к законам природы индивидуального человека» (Book VI, chapter VII) [Gordon, 2003. P. 652]. Тем самым, не онтологическое, а объяснительное значение МИ считается им центральным.

Об упомянутом сведении ясно говорит и следующее суждение Гордона: «Наиболее влиятельная формулировка этого тезиса в современной экономической теории содержалась в *Эссе о природе и значении экономической науки* (1932) Лионела Роббинса, которая, часто воспроизводимая, стала почти манифестом ортодоксальной экономической методологии. Экономическая теория, говорил Роббинс, развивает свои теоремы путем строгой дедукции из предпосылок, содержащих утверждения, связанные с человеческой природой. Эти предпосылки столь просты и недвусмысленны (plain), что, хотя они и выведены из личной интроспекции, их универсальная истинность неоспорима. Логика *modus ponens* гарантирует, тем самым, что дедуктивный вывод также должен быть истинным. Невозможно использовать интроспекцию или другие средства, чтобы достичь подобной «самоочевидной» ('self-evident') истины относительно социальных групп, поэтому экономическая теория должна анализировать социальные феномены в терминах рациональных действий индивидов» [Ibid.].

Такую же позицию занимает Д. Брейбрук, автор другого труда, посвященного философии социальной науки, полагающий, что основным положением МИ выступает утверждение, что «в конечном счете, единственной удовлетворительной стратегией объяснения в социальных науках является та, что идет от личностных фактов к объяснению групповых фактов, и не имеет других обходных путей» [Braybrooke, 1987. P. 33; цит. по: Gordon, 2003. P. 653].

Иными словами, базовый МИ воспринимается как прямое предписание объяснения исключительно *действиями* индивидов, а не их *взаимодействиями*, на которые к тому же *влияет* социальная *среда*. Между тем, как было отмечено выше, базовый МИ вообще не определяет, как объяснять социальные феномены.

Между тем Л. Уден, не выделив базовый вариант МИ как центральный и посчитав его не более чем «онтологическим трюизмом», пришел к выводу, что некоторые варианты МИ означают не что иное как его *соединение* с МХ. Он выделил пять вариантов МИ: 1) теорию общественного договора; 2) теорию общего равновесия; 3) австрийский МИ; 4) МИ К. Поппера; 5) МИ Дж. Коулмена, среди которых первые три исходили из автономных индивидов австрийской школы, аналогов знаменитого Робинзона Крузо до появления Пятницы, а заключительные два – из индивидов, учитывающих в своих решениях и действиях внешнюю социальную среду⁶. Соответственно, вариант 4 Уден называет институциональным индивидуализмом, а вариант 5 – структурным институционализмом. «Основное разделение разграничивает сильный методологический индивидуализм (1–3) от слабого методологического индивидуализма (4–5). В движении от 3 к 4 социальные институты перепрыгнули (jump) из эндогенной в экзогенную часть моделей социальной науки и из следствий в предпосылки ее объяснений. Ясно, что это был решительный разрыв с оригинально предложенным методологическим индивидуализмом. Это было изменение, которое

⁶ Г. Кинсайд выделил в составе МИ другие пять типов утверждений: 1) онтологические, сосредоточенные на типах вещей, которые существуют; 2) редукционистские, доказывающие, что одна теория может выполнить всю объяснительную работу другой; 3) объяснительные, утверждающие, что объяснения в терминах индивидов играют фундаментальную роль; 4) механизмные, считающие, что индивидуальные процессы, лежащие в основе социальных феноменов, являются центральными; 5) эвристические, согласно которым поиск индивидуалистических теорий является наилучшим путем прогресса социальной науки [Kincaid, 2004. P. 299–300].

делает затруднительным продолжать говорить об индивидуализме и холизме как о противостоящих доктринах» [Udehn, 2002. P. 500].

Здесь необходимо сделать одно замечание, очень важное для правильного понимания моего дальнейшего хода рассуждений. Варианты МИ, которые Уден называет *сильными*, в части своей соединяют *верное* онтологическое положение об уникальности индивидов как целеформирующих деятелей с *неверным* положением о том, что они действуют в пустом пространстве, лишенном групп и институтов. Так, он считает «оригинальным» МИ концепцию естественного состояния (state of nature) Т. Гоббса, в которой люди не руководствовались никакими правилами и вели непрерывную «войну всех против всех». Это предположение полностью не соответствует действительности, прежде всего – результатам исследований этологов, эмпирически открывших существование устойчивых правил не только у приматов, но и у животных, еще более далеких от людей (см., например, [Bekoff, 1972]). Далее, к сильным сторонам МИ он относит теорию общего равновесия, имеющую *модельный* характер. В этой модели нет индивидов как таковых, есть формальное описание рынков, – локусов массовых обменов, – характер и параметры которых определяются ценами предметов обмена и оценками их полезности. В этой модели вопрос о факторах, влияющих на полезность, выведен за пределы модели, поэтому однозначно сказать, учитывают ли «индивиды» в этой модели наличие институтов, культуры и различных социальных групп, достаточно затруднительно. Только представители австрийской школы явно говорили об индивиде *à la* Робинзон Крузо, однако каталлактика неоавстрийцев немыслима без взаимодействия индивидов, остающихся при этом единственными целеформирующими деятелями.

Поэтому переход от вариантов МИ (1–3) к вариантам (4–5) был вполне научно (а не философски) обоснованным отказом от неверного онтологического положения. Поэтому с заключительным выводом Удена согласиться никак нельзя. При таком подходе можно с тем же успехом заявить, что эмпирическое доказательство возможности трансформации одних химических элементов в другие «делает затруднительным продолжать говорить об» алхимии и химии «как о противостоящих доктринах».

Итак, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

- 1) *базовые* МХ и МИ противостоят друг другу как утверждение и его отрицание, т.е. логически несовместимы;
- 2) во вторичных, *объяснительных* вариантах МИ сохранил свой базовый вариант, в то время как МХ фактически от него отказался;
- 3) начальные *объяснительные* варианты МИ в экономической теории содержали *нереалистическую предпосылку* независимости решений и действий индивидов от внешней среды (других людей, групп и социальных институтов), в то время как последующие *объяснительные* версии МИ от этой предпосылки отказались, публично отражая принятие очевидного факта зависимости действий индивидов от внешней среды (в том числе, социальной);
- 4) *объяснительные* варианты МХ изначально принимали факт зависимости индивидов от внешней социальной среды, однако считали, что эмерджентные свойства социальных целостностей невозможно объяснить действиями индивидов.

1.3. Характер «противостояния» МХ и МИ

Прежде всего замечу, что исходные (базовые, онтологические) варианты МХ и МИ уже давно не являются объектами для критики, по крайней мере, научной. Причина этого понятна: исследователей, которые считали бы, что группы действуют автономно, независимо от входящих в них людей, или просто нет (уже? пока?), или они не готовы высказывать свои взгляды публично, перенеся внимание к проблеме существования и объяснения эмерджентных свойств социальных систем. Дискуссия фактически касается вторичных,

объяснительных вариантов, причем направлена преимущественно от последователей МХ к последователям МИ.

В этой связи отмечу, что прямой и очевидной связи между следованием либо МИ, либо МХ, с одной стороны, и объяснением социальных феноменов через действия индивидов либо действие институтов⁷ – с другой, вообще говоря нет: ведь выражение типа «действие института А обуславливает поведение (явление, процесс, взаимодействие и т.п.) В», может выступать, как отмечено выше, *редакционным сокращением* более точного (но и более громоздкого) выражения типа «поведение (явление, процесс, взаимодействие и т.п.) В является следствием действия индивидов, исполняющих правила, составляющие часть института А». Если автор утверждения первого типа не фиксирует где-то в тексте свое следование МИ, то подобное объяснение вполне (хотя и ошибочно) может быть принято за проявление следования МХ.

Что же представляется не просто достойным, но *требующим* критики в объяснениях социальных и экономических феноменов в рамках МИ? Обратимся к статье С.Г. Кирдиной [Кирдина, 2013], которая, судя по названию, непосредственно посвящена анализу процессов «преодоления ограничений методологического индивидуализма». Эти ограничения представлены в явном виде только техническим вопросом агрегирования индивидуальных экономических параметров, таких как предпочтения, доходы, производственные функции и т.п. (с. 101), при этом автор не упоминает те подходы к агрегированию, которые используются внутри агент-ориентированного моделирования. Понятно, что агрегировать можно по-разному, и притом разные индивидуальные характеристики, причем базового принципа МИ эти методы никак не затрагивают. Даже если принять фантастическую гипотезу о том, что, например, объем производства «экономики как единого целого» не равен сумме производств фирм и домашних хозяйств, вопрос о том, как измерить этот «целостный продукт», все равно останется, и его решение еще более проблематично, чем решение задачи агрегации. То же будет верно и по отношению к фантастической гипотезе о существовании «общественных предпочтений, не равных сумме индивидуальных»: как их измерить (оценить), не затрагивая информацию о предпочтениях индивидов, т.е. не сводя к ним? Если эти предпочтения не входят в общественные, то что в них входит? Такого рода вопросы в статье также не затрагиваются, делается лишь общий вывод: «в описанных попытках перехода на макроуровень анализа не удастся отказаться от принципа методологического индивидуализма» (с. 101). Так, может быть, неудачи обусловлены ложной постановкой задачи – стремлением отказаться от этого принципа? Этот вопрос в данной статье не ставится.

Как показывает (разумеется, неполный) анализ, общее место в обсуждении этого принципа его противниками, прежде всего социологами, а также сторонниками исходного институционализма, – это *приписывание* МИ черт, *которых у него нет*. Вот вполне типичный пример: «Человеческие существа – это онтологические сущности, но это не значит, как считают методологические индивидуалисты, что научное объяснение социального феномена должно даваться исключительно в терминах ментальных состояний. Социальные целые тоже являются онтологическими сущностями» [Gordon, 2003. P. 655]. Однако сторонники МИ не считают, что ментальные состояния эндогенны по отношению к индивидам, и никак не отражают окружающие их институты, группы, организации и т.п. Иными словами, МИ явно приписывается то, что из него никак не вытекает и ему не присуще. Другой пример: МИ понимается как «способ решения вопроса об отношении индивидуального и социального. В соответствии с этим принципом, социальные процессы

⁷ В литературе можно найти работы, согласно которым институты думают [Douglas, 1987; Thompson, 2018], учатся [Stein, 1997] и эволюционируют [Lewis, Steinmo, 2012]. Как правило, под институтами понимаются организации или группы индивидов, т.е. они трактуются социологически.

объясняются через индивидуальное поведение, и любое социальное образование (семья, университет, больница, государство) является таким индивидом, или *экономическим агентом*. ... с нашей точки зрения, понятие социального в современной неоклассической экономической теории не раскрывается в полной мере, поскольку игнорируется его специфика в отличие от *индивидуального*» [Рогожникова, 2015. С. 71].

Еще один пример: как полагает Г. Мерамвелиотакис, в МИ «социальная структура не имеет объективного существования независимо от социального сознания и действий индивидов. Индивиды (тела, организмы и ассоциированные с ними когнитивные и поведенческие способности) реальны, в то время как общество, социальные структуры и коллективы нереальны, будучи рассматриваемы как простые коллекции индивидов» [Meramveliotakis, 2018. Р. 55]. Опять-таки, МИ ничего не утверждает об *объективности* существования чего-либо⁸, ведь объективность, например, институтов легко подтверждается тем, что люди, нарушившие то или иное правило, подвергаются санкциям *независимо от их воли и сознания* (в чем, собственно говоря, и состоит смысл объективности).

Наконец, заключительный пример: «...в рамках индивидуалистической методологии не удается преодолеть трудности, связанные с необходимостью интеграции культурных и институциональных аспектов в разные модели и концепции» [Бирюков, 2018. С. 92]. Тем самым, по мнению автора, широко известные работы, посвященные моделированию влияния культуры и институтов на экономический рост [Abrams, Lewis, 1995; Ali, 2003; Tabellini, 2010], выполнены не представителями НИЭТ, являющимися сторонниками МИ⁹.

Поскольку базовый МХ уже практически не фигурирует в актуальной литературе, понятно, что его критика также отсутствует. Что же касается вторичных МХ, как онтологического, так и методологического, поскольку системный подход стал если не повсеместно реализуемым, то хотя бы «идеологически» общепризнанным, равно как и учет социальных факторов на поведение индивидов, их критику (по крайней мере, внутри экономической литературы) также сложно обнаружить. Ведь МХ в плане способов объяснений процессов и явлений зачастую можно отличить от МИ только в *редакционном* аспекте.

Достаточно редкая, но все же встречающаяся грубая ошибка – отождествление МИ и *морального* индивидуализма, т.е. *эгоизма*. Например, в [Кузьминов, Юдкевич, 2002. С. 21] читаем: «В принципе, методологический индивидуализм отрицается историей. Существует огромная литература, неопровержимо доказывающая, что большинство людей на протяжении истории очень часто заботилось не о своих собственных интересах, а о процветании своего города, благосостоянии своей общины, своего сеньора, иногда даже жертвуя жизнью». Этим авторам вторит Е. О. Стрижак: «Методологический индивидуализм предполагает, что люди преследуют свои собственные цели, им не свойственно думать о других или о благе общества» [Стрижак, 2013. С. 55]¹⁰. И еще одна цитата, дополняющая предыдущую: «Порочность методологического индивидуализма состоит в том, что во внимание принимается и абсолютизируется лишь одна, эгоистическая, сторона человеческой сущности, но совсем не учитывается ее вторая сторона – присущий человеку коллективизм, т.е. *желание и умение жить в социуме*» [Князев, 2019. С. 7]. В свете приведенных выше не ошибочных представлений о МХ и МИ, думаю, как-то комментировать приведенные три цитаты нет

⁸ Заметим, что понятие общества не имеет ясного операционального определения. Обычно под ним понимают совокупность граждан того или иного государства. Однако с тем же успехом можно говорить о существовании в любом государстве нескольких обществ, подобно тому Ч.П. Сноу говорил о существовании в государстве двух культур, – научной и гуманитарной [Snow, 1959].

⁹ Возможно, конечно, что цитируемый автор просто не знаком с этими работами.

¹⁰ Правда, уже в следующем предложении в том же абзаце автор ссылается на совершенно верное противоположное положение А.Н. Нестеренко: «Принцип методологического индивидуализма применим и к эгоистическим поступкам, преследующим цель извлечения личной выгоды, и к высокоморальным альтруистическим действиям» [Нестеренко, 2002. С. 235].

смысла. Отмечу лишь, что такого смешения для методологического и морального коллективизмов обнаружить не удалось.

Свой анализ холистических теорий в социальной науке Д. Филлипс завершил категорическим выводом: «Холизм, если подходить к нему серьезно, – это, в сущности, неработающая доктрина» [Phillips, 1976. P. 123] (цит. по [Гофман, 2005. С. 19]). С этим выводом можно вполне согласиться, но только если понимать МХ в его базовом варианте. В объяснительных же вариантах он фактически *соединился* с объяснительными вариантами МИ, за исключением, конечно, используемой редакционной формы предлагаемых объяснений.

Приведу иллюстративный пример: М. Зубулакис считает, что один из принципов (специально не буду говорить, какой именно) «предполагает, что не только институциональная среда определяет (shapes) индивидуальные планы и действия, но также и индивиды определяют ее свойства. Соответственно, любое социальное объяснение предполагает понимание индивидов внутри их институционального контекста» [Zouboulakis, 2002. P. 29]. Легко видеть, такие предположения вполне могут делать (и делают) как последователи МИ, так и те, кто придерживаются МХ: например, Дж. Ходжсон пишет: «...индивиды не просто (намеренно или ненамеренно) создают институты. Посредством «воссоздаваемой обратной причинности» (“reconstitutive downward causation”) институты влияют на индивидов фундаментальным образом» [Hodgson, 2000. P. 318]. Можно ли из приведенной цитаты сделать вывод о том, придерживается ли ее автор МИ или МХ? Нет, поскольку она верна в рамках обоих принципов, описывая *эмпирически проверяемую реальность* человеческого поведения в социальной среде.

2. Варианты интеграции МХ и МИ

А вы, друзья, как ни садитесь...

И. А. Крылов

Исследователи, разрабатывающие и/или предлагающие те или иные варианты соединения МХ и МИ, указывают обычно в качестве причины поиска интегративных (или альтернативных) методологических принципов отсутствие объяснительного потенциала МИ в ортодоксальной экономической теории и неадекватность ее практических рекомендаций (см., например, [Lange-von Kulesa, 1997. P. 467; Stefanović, Petrovic, 2016. P. 2]). Некоторые при этом говорят также об ограниченности МХ [Vilber, Harrison, 1978. Pp. 83–84; Toboso, 1995. P. 73].

Для выявления вариантов интегративных подходов я воспользовался поиском в Google по запросу “methodological + holism + individualism”, а также ссылками на предшественников и сторонников в тех работах, которые были обнаружены в результате прямого поиска. Все это позволило найти несколько подходов к формированию «синтетических» методологических принципов, которые я рассмотрю далее в (примерно) хронологическом порядке. Подчеркну предварительно тот очевидный, в общем-то, факт, что по обнаруженному *названию* методологической инновации судить о ее содержании нельзя: требуется провести анализ публикаций, что и было мной сделано.

2.1. Институциональный индивидуализм

Дж. Агасси начинает свою статью следующим ясным утверждением: она написана потому, что «индивидуализм не обязан быть психологическим, и защищает институциональный индивидуализм, который я считаю великим (great) вкладом Поппера в философию социальных наук» [Agassi, 1960. P. 244]. В продолжении он анализирует предложенную К. Поппером стратегию социального исследования, которую тот назвал ситуационным ана-

лизом. В следующей статье Агасси развивает высказываемые им положения: «Если в соответствии с психологическим индивидуализмом в качестве релевантных обстоятельств могут быть рассмотрены только материальные условия, то в соответствии с институциональным индивидуализмом существующие институты также могут быть рассмотрены как релевантные обстоятельства» [Agassi, 1975. P. 153].

Таким образом, институциональный индивидуализм (далее – ИИ) фактически конкретизирует МИ в том направлении, что среди факторов, воздействующих на индивидуальные цели и решения, следует учитывать и те требования, которые вытекают из следования институтам, действующим в соответствующих ситуациях. Однако такая возможность – неотъемлемая черта «слабого», по Удену, МИ (хотя в действительности – не «слабого», а отказавшегося от явно ложных онтологических предпосылок «сильного» МИ).

Тот факт, что ИИ К. Поппера, специально проанализированный Дж. Агасси [Agassi, 1960; Agassi, 1975] является не чем иным, как вариантом МИ, был детально продемонстрирован Уденом еще в 2002 г. [Udehn, 2002. Pp. 489–490], поэтому отнесение его к «третьему пути» между МХ и МИ, как это сделано в [Кирдина, 2013; Кирдина, 2014; Фролов, 2016], говорит лишь о незнании этими авторами работ как Поппера и Агасси, так и Удена. Вероятно, прочитав термин, отличный от МИ, они восприняли его как отрицание последнего, не затратив усилий на чтение упоминавшихся работ¹¹.

Ф. Тобосо, разделяя позицию Поппера-Агасси, дает такую трактовку ИИ: (1) только индивиды преследуют цели и реализуют интересы; (2) формальные и неформальные множества институциональных правил, влияющие на взаимодействия между индивидами, должны быть частью объясняющих переменных; (3) маргинальные (по терминологии Д. Норга – инкрементные) институциональные изменения всегда следуют из индивидуальных или коллективных действий некоторых лиц и всегда имеют место внутри более широкой институциональной среды [Toboso, 2001. Pp. 773–774]. Ее первый пункт, как легко видеть, четко подтверждает, что ИИ – это конкретизированная версия МИ, подчеркивающая важность учета влияния институтов на индивидуальные решения и действия. В силу этого ИИ никак не может считаться вариантом интеграции МХ и МИ.

2.2. Методологический релятивизм

Д. Хо, возводя методологический релятивизм (methodological relationalism, далее – МР) к конфуцианской философии, характеризует его следующим образом: «Методологический релятивизм основан на теории поля (field theory). Он осознает укорененность индивида в социальную сеть. Методологическое приложение его состоит в том, что психология социальных действий, даже касающаяся отдельного индивида, должна расширить эту область, чтобы включить: (а) действия индивида как осуществляемые им по собственной инициативе, так и в ответ на действия других; (b) действия других людей, тесно связанных с индивидом; (с) действия, направленные на индивида другими людьми, с которыми он взаимодействует; (d) действия, направленные на индивида людьми, тесно связанными с теми, с кем он взаимодействует; (е) действия, направленные на людей, тесно связанных с индивидом, теми, с кем индивид взаимодействует прямо или косвенно» [Ho, 1998. P. 5]. Приведенное утверждение ясно показывает, что МР никак не затрагивает основ МИ, обращая лишь внимание на то, что именно имеет смысл учитывать при выявлении факторов, влияющих на индивидуальные решения и действия. Для полноты, к выделенным Хо четырем факторам необходимо, очевидно, добавить еще ряд других, таких как совокупность субъективных норм индивида, уровень его самодейственности и т.д., и т.п.

¹¹ Удивляет в этой связи, что строители «третьего пути» не записали в свою артель авторов, использующих такой привлекательный термин, как «холистический индивидуализм» [Pettit, 1993; Epstein, 2009].

Другие работы, в которых использовано понятие МР [Ritzer, Gindoff, 1992; Ho et al., 2001; Kivinen, Piironen, 2006], также свидетельствуют, что МР представляет собой не методологический принцип, однопорядковый с МХ и МИ, а некоторую исследовательскую программу в социальной психологии, ориентированную на специфику скорее коллективистских, чем индивидуалистских культур. Об этом ясно говорит сторонница МР Р. Захарна: «“Релятивизм” введен как аналитическая линза, чтобы обеспечить новый взгляд помимо дихотомии паттернов отношений индивидуализм-коллективизм, исследовать глобальные перспективы и помочь сделать явным последовательный ряд предположений, затрудняющих теоретические предпосылки организационно-общественных отношений (Organization-Public Relationship)» [Zaharna, 2016. P. 190].

2.3. Системизм

М. Бунге характеризует свой подход так: «В социальных науках бросаются в глаза (are salient) три мировоззрения и исследовательских подхода: индивидуализм, холизм и системизм. Индивидуализм фокусируется на устройстве социальных систем, в то время как холизм на их структуре. Ни один из них неадекватен, первый – поскольку все индивиды взаимозависимы, а второй – поскольку нет отношений без соотносящихся. Единственной бесспорной и реальной альтернативой является системизм, в соответствии с которым всё является либо системой, либо частью системы, и любая система имеет особые (эмерджентные) свойства, которых нет у ее компонентов... Разумеется, социальные индивидуалисты, – извините за оксюморон, – не отрицают, что индивидуальные действия ограничены и стимулируются социальным контекстом или ситуацией. Но, конечно, они не анализируют и не могут анализировать последние в индивидуальных терминах: они оставляют их непроанализированными целыми» [Bunge, 2000. P. 148].

Тем самым Бунге утверждает, что исследователи, разделяющие, например, исследовательскую программу НИЭТ, не изучают и не могут изучать институты, которые, как они полагают, и ограничивают индивидуальные действия, и стимулируют их. Комментировать подобные утверждения сложно, поскольку автор, судя по списку публикаций, на которые он ссылался в цитируемой статье, не читал ни одной из работ сторонников НИЭТ. Что же касается замены МИ и МХ принципами системизма, то этот призыв неактуален: оба отвергаемых им принципа, как было отмечено в конце первого раздела статьи, став принципами научного объяснения, уже довольно давно сошлись на том, что изучение институтов без анализа действий людей, равно как анализ индивидуального поведения без учета влияющих на него институтов, непродуктивно.

2.4. Концепция социальных сайтов

Попытка соединить МХ и МИ, причем не только вторичные, но и базовые их варианты, предпринята Т. Шацки. Для этого он вводит понятие *сайта*, которое и предлагает считать единицей нового типа онтологии, отличного как от автономного социального целого, считаемого онтологической единицей в МХ, так и от индивида, принимаемого таковой в МИ. Сайт – это тот контекст, в котором происходит то или иное человеческое сосуществование, и у которого может быть пространственный (географический или абстрактный) или структурный тип. «Поскольку сайт... это вид контекста, то объект изучения – это особый вид контекста, а не целое, не особого типа реальность или абстрактные структуры. Подобно другим подходам к социальному, подходы со стороны сайта (site accounts) берут на себя анализ социальных формаций, таких как правительства и экономики... для чего формируют сайты социальной жизни, специфицируя материал, из которого состоят эти формации» [Schatzki, 2003. P. 178].

Однако такого типа объяснение роли сайтов в исследованиях вызывает очевидные сомнения: того ли типа объектом является сайт, что и индивиды или автономные целые

(группы, государства и т.п.)? Не является ли указание на сайт не методологическим принципом, а методом исследования, применимым в рамках как МХ, так и МИ? Ведь и действия индивидов, и «действия» различных групп происходят в некоторых контекстах, включающих не только разные виды пространств, но и разных индивидов, и несовпадающие группы (не важно – автономные системы или совокупности индивидов). В разных контекстах и индивиды, и надындивидуальные целостности ведут себя по-разному, поэтому понятие сайта (контекста действий) вполне продуктивно как важный элемент анализа, однако претендовать на новую социальную онтологию, интегрирующую МХ и МИ, оно, как мне представляется, вряд ли может. Вместе с тем подход с позиций социальных сайтов нашел достаточно широкое применение в организационном анализе (см., например: [Weller, 2019]), экономической географии [Joronen, Häkli, 2017] и других областях исследований, что ясно говорит о его продуктивности.

2.5. Эволюционный подход

Одна из наиболее серьезных попыток обосновать и предложить «третий путь» в методологии была предпринята Дж. Ходжсоном. Он и ранее подчеркивал, что вовсе не является сторонником МХ (см. его дискуссию с Ю. Ланге-фон Кулессой: [Lange-von Kulessa, 1997; Hodgson, 1999; Lange-von Kulessa, 1999]). Поэтому такой подход представляется вполне естественным.

Ходжсон связывает МИ с объяснением возникновения и функционирования институтов действиями отдельных людей, подчеркивая, что на самом деле любые «попытки начать просто с индивидов должны в действительности исходить из индивидов плюс социальных структур» [Hodgson, 2006. P. 4]. С его точки зрения, это порождает для последователей МИ непреодолимые трудности. Однако, считает он, «схожие проблемы возникают при попытках объяснить все социальные феномены в терминах только структур или институтов. Поскольку мы всегда должны начинать со структур и индивидов, известные версии “методологического коллективизма” и “холизма” должны быть просто отвергнуты. Объяснения целостностей в терминах структур, культур или институтов неадекватны, поскольку они отвергают индивидуальные действия и упускают из вида разнообразие характеристик индивидов внутри популяций» [Ibid.].

Отметив ощущаемую им неудовлетворенность как МИ, так и МХ, Ходжсон формулирует желаемый им подход: «Нам требуется подход, внутри которого мы могли бы объяснить трансформацию как индивидов, так и структур. Такой подход должен включать объяснение возможного причинного взаимодействия и воссоздания как индивидов со структурой, так и структуры с индивидом. Это будет означать объяснение эволюции индивидуальных целей и убеждений, равно как и объяснение эволюции структур» [Hodgson, 2006. P. 8]. Такие возможности предоставляет, как полагает Ходжсон, методология Т. Веблена, в рамках которой «институты действуют только потому, что входящие в них правила укоренены в преобладающих привычках мышления и поведения» [Ibid.].

Детальное обоснование эволюционного подхода, введенного, по мнению Ходжсона, в работах Веблена, дано в его более ранней статье, где он пишет об «осмысленном» (meaningful) определении МИ, которое якобы утверждает, что «социально-экономические феномены должны быть объяснены исключительно в терминах индивидов» [Hodgson, 2003. P. 17]. Однако такое понимание МИ, как было показано выше, далеко от действительной осмысленности: ведь исходный МИ Вебера не предопределяет характер или тип объяснения.

С точки зрения Ходжсона, Веблен хотя и не использует терминов МХ или МИ, но неявно отвергает обе доктрины. В чем же заключалось это отвержение? С точки зрения Веблена, «индивиды не только ограничены и направляемы их привычными отношениями с участниками своей группы, но и эти отношения, имея институциональный характер, меняются с изменением институциональной арены (scene). Нужды и желания, цели и наме-

рения, пути и средства, широта и смещение поведения индивида суть функции институциональной переменной, которая очень сложна и имеет полностью нестабильный характер» [Veblen, 1909. P. 629]. Комментируя эти утверждения, Ходжсон пишет: «...это положение равносильно строгому отстаиванию воспроизводительной (reconstitutive) силы институтов по отношению к индивидам. Институциональные изменения влияют на индивидуальные нужды и желания. Предпочтения эндогенны, а не даны экзогенно» [Hodgson, 2003. P. 18]. Он замечает, однако, что Веблен, как бы предвосхищая любое непонимание его утверждений, сразу же подчеркивает и свое фактическое несогласие с МХ. Действительно, чуть позже Веблен пишет: «Рост и мутации институциональной структуры (fabric) суть конечные результаты поведения индивидуальных членов группы, следовательно, выходят за пределы опыта отдельных индивидов, посредством привычек индивидов, формирующих институты; и это тот же самый опыт, который обеспечивают эти институты, направляя и определяя цели и намерения поведения. Конечно, система институтов задает индивидам общепринятые стандарты, идеалы и каноны поведения, образующие схемы жизни сообщества. Научное исследование в этом поле, тем самым, должно иметь дело с индивидуальным поведением и формулировать свои теоретические результаты в терминах индивидуального поведения» [Veblen, 1909. P. 629].

Ходжсон завершает свой анализ позиции Веблена следующим образом: «В целом, отвергая как индивида, так и общество в качестве окончательных единиц объяснения, Веблен дистанцируется как от методологического индивидуализма, так и от методологического коллективизма. Его решением было принять эволюционный подход к объяснению» [Hodgson, 2003. P. 19].

Но эволюционное объяснение не может не включать (по определению!) три базовых компонента: мутацию, наследование и отбор. Дать эволюционное объяснение чего-либо, – значит выявить, какая мутация произошла, почему она наследовалась, в силу чего был отобран организм, в котором совершилась мутация. Простое объяснение типа «это произошло, поскольку содействовало выживанию вида (или популяции)» является не эволюционным, а *функциональным* объяснением, которое неопределенным целям эволюции не соответствует. Ведь это люди считают, что любому виду биологически свойственно стремление к выживанию, в то время как *вид* вряд ли к чему-то стремится. Поэтому эволюционное объяснение требует обращения к упомянутой эволюционной триаде.

В обществе могут мутировать убеждения (персональные знания, персональная информация) и характер действий индивидов. В биологии мутации имеют случайный характер (если исключить из рассмотрения современное «генетическое проектирование») и происходят на внутриклеточном уровне. Мутации убеждений и действий также могут иметь случайный характер, но в основном они изобретаются и придумываются людьми. Про творческий процесс *можно*, но *вряд ли верно* сказать, что «на каждом шагу этот процесс является целостным органическим комплексом привычек мысли, который определен предыдущими процессами» [Veblen, 1898. P. 392].

Мутации институтов возможны, если мутируют либо убеждения, либо действия, либо они вместе, причем остальные адресаты изменяющегося института либо хотят, либо вынуждены (чтобы избежать санкций со стороны других) изменить убеждения и/или действия. Если произошедшая мутация была принята (одобрена) гарантами, изменение института происходит и через социализацию подрастающего поколения наследуется.

Из приведенной логики эволюционного объяснения функционирования и изменения институтов с очевидностью вытекает, что такое объяснение соответствует МИ. Конечно, мутации, наследование и выбор можно связать не с индивидами, а с надличностными индивидами («общество решило, что...» и т.п.), но в этом случае эволюционное объяснение переходит в рамки базового МХ, где у общества (и других групп людей) есть свои, независимые от людей цели, интересы и действия.

Таким образом, приводимые рассуждения Веблена, которые Ходжсон считает отвержением как МИ, так и МХ, глубоко противоречивы и неполны. Если индивиды действуют под влиянием институтов и привычек, и эти действия изменяют институты, то механизм изменения повисает в воздухе: что же является причиной изменений, с чего бы и как будут меняться институты, ведь все предопределено действующими институтами, включая цели и желания индивидов (в силу чего нет возможности сказать даже о стимулах нарушить правило). Грубо говоря, если *все* водители строго следуют ПДД, то как их опыт может их изменить? Даже если внешний наблюдатель видит, что можно без повышения риска ДТП ехать иначе, водители, согласно детерминации своих желаний институтами, этого просто не видят. В первой из приведенных цитат Веблен говорит о полностью нестабильном характере «институциональной переменной», что можно считать аналогом случайных мутаций, однако механизм остается неясным. Если в биологии мутации идут на биохимическом уровне, то почему случайно меняются институты? Ответ на это вопрос оставляет за пределами рассмотрения и Ходжсон.

Более того, внимательное рассмотрение его подхода показывает, что фактически он сочетает молчаливое принятие МИ (действуют люди, а не институты) со своеобразной трактовкой институтов, что позволяет посредством сложных логических заключений и переходов *на словах* «решить» неразрешимую задачу синтеза базовых МИ и МХ. Ведь МИ – это не только *приписываемый* ему способ объяснения функционирования институтов исключительно дискреционными действиями индивидов, но в первую очередь признание того, что *действуют только люди* – без попыток какой-либо фиксации а priori причин этих действий, поскольку таковые могут быть выяснены только на эмпирической, а не на методологической основе.

Однако включение существующих институтов в состав факторов, учитываемых индивидами при принятии ими решений, не только вполне возможно при следовании МИ, но и реально осуществляется сторонниками последнего. Например, «ранний» Д. Норт¹², характеризуя понятие «эффекта блокировки» институциональных изменений [North, 1990. P. 7], прямо связывает его с тем, что субъекты, получающие достаточные выгоды от действующих институтов, используют долю этих выгод для предотвращения изменений таких институтов, пусть даже они препятствуют развитию экономики и/или общества.

Тем самым подчеркивание эволюционного характера объяснений, на котором настаивал Веблен, отнюдь не уводит его из дихотомии МИ/МХ (понимая, разумеется, последний не в упрощенном, «объяснительном» виде, а в его базовом варианте, допускавшем существование нечеловеческих индивидов; в упрощенном «объяснительном» варианте принципиальных различий между МИ и МХ, как было отмечено, нет, поскольку МИ, не предполагающий учета влияния институциональной среды на действия индивидов, существует только в суждениях критикующих его последователей МХ, но не в умах и практике работы последователей МИ). Таким образом, попытка Ходжсона обнаружить у Веблена «третий путь», отрицающий как МХ, так и МИ, не может быть признана успешной: эволюционное объяснение в экономике не может обойтись без индивидов либо нечеловеческих существ.

2.6. Методологический интеракционизм

Очерчивая содержание данного подхода, Б. Ноутбум привлекает внимание к эмпирически установленному феномену «воплощенного познания» (“embodied cognition”)¹³. Он

¹² Т.е. до обращения самого серьезного внимания на когнитивные факторы институциональных процессов в статье [Denzau, North, 1994].

¹³ Феномен воплощенного познания заключается в том, что на когнитивные процессы влияют не только внешняя среда, но и специфика человеческого тела [Wilson, 2002]. В последнее время универсальность такого влияния стала подвергаться сомнению [Goldinger et al., 2016], особенно в связи с формированием и использованием абстрактных понятий [Dove, 2016].

обеспечивает основу упомянутого подхода, который «выходит за рамки как методологического индивидуализма экономической теории, так и методологического холизма (части) социологии, и совместим со взглядами социальной психологии. Он связан с подходом к обмену Менгера и взглядами Хайека на распределенное знание в австрийской экономической теории. Он обеспечивает основу для новой, унифицированной социальной теории, которая интегрирует элементы экономической теории, социологии, социальной психологии и когнитивной науки... Ключевая идея состоит в том, что люди осуществляют восприятие, интерпретацию, понимание, формирование предпочтений и оценивают ценность на основе ментальных категорий, которые они конструируют во взаимодействии с другими. Поскольку они конструируют такие категории и делают это в течение всей жизни, они развивают и формируют свою индивидуальность, так что их знания разнообразны, распределены (Хайек) и «разные люди думают разные вещи»...» [Nooteboom, 2007. P. 137–138].

Не буду повторять аргументы, приведенные выше, сформулирую лишь общий вывод: детализация механизмов, посредством которых индивиды формируют информационную основу последующих действий, никак не сказывается на применимости ни базового МИ, ни его объяснительных вариантов. Не влияет специфика этих механизмов также и на объяснительные версии МХ. Поэтому методологический интеракционизм представляет собой не методологический принцип того же типа, что МХ и МИ, а прием детального эмпирического анализа различных поведенческих конструкторов (например, доверия, что и было проделано Ноутбутом в цитированной статье).

2.7. Методологический институционализм

С.Г. Кирдина (Кирдина-Чэндлер) описывает содержание предлагаемого ею подхода следующим образом: «Под методологическим институционализмом понимается подход к исследованию любой социальной системы (от микро- до макроуровня) с точки зрения поддерживающих ее целостность и развитие формальных и неформальных правил (институтов) и объяснение общественных явлений в терминах институциональной структуры. Почему мы полагаем, что методологический институционализм задает новое видение в экономической теории...? Потому что он обращает внимание не на то, что, возможно, проще увидеть (действия экономических агентов), а на скрытые от прямого наблюдения условия этого поведения – институты» [Кирдина, 2013. С. 39]. Нельзя не заметить, что работа с ненаблюдаемыми конструкторами – явление, широко распространенное в экономической теории, от экономической ценности (стоимости) до валового внутреннего продукта: и то и другое «увидеть» совсем не просто. Поэтому установление связи между подобными конструкторами и «методологическим институционализмом» не может не вызвать недоумения.

Конкретизируя смысл введенного понятия, Кирдина далее уточняет специфику его применения: «Принцип методологического институционализма означает приоритетное рассмотрение целого с точки зрения возникающих при взаимодействии элементов в системе (или индивидов) новых качеств или целостных свойств (в данном случае институтов), которые отсутствуют у составляющих систему индивидов» [Там же. С. 41].

Чем такой подход отличается от МХ, понимание которого дано автором на с. 35 указанной работы, в ней не рассматривается, а приводимые примеры ясно показывают, что различий между ним и социологическим анализом (в его холистическом варианте, восходящем к Э. Дюркгейму) нет. При этом Кирдина не утверждает, что упоминаемые ею «целые» имеют собственные цели и интересы, что свидетельствует также о сходстве ее подхода с МИ, который, как я не раз отмечал, отнюдь не отрицает феномен эмерджентных свойств у социально-экономических систем.

Поэтому подход, называемый ею «методологическим институционализмом», лежит совсем в иной плоскости, чем МХ и МИ: это не методологический принцип исследования широкого круга социальных наук, а, скорее, обозначение некоторого исследовательского

направления, нацеленного на выявление того, какие институты поддерживают «целостность и развитие» той или иной социальной (или социально-экономической) системы. Иначе говоря, «методологический институционализм» – это не то, что «задает новое видение в экономической теории», а частный случай такого достаточно давно реализуемого в ней (и других социальных науках) направления как институциональный анализ. Например, уже достаточно давно проанализированы институты, обеспечивающие целостность и функционирование такой социально-экономической системы, как наука [Merton, 1973; Елисеев, Макарова, Тамбовцев, 1997], есть попытки реализовать указанный анализ на уровне организаций (см., например [Моргунова, Носков, 2012]).

* * *

Итак, мы видим, что все попытки найти «третий путь» в сфере методологии социальных наук, включая экономическую теорию, приводят к тому или иному принятию МИ. В этом, как легко видеть, нет ничего удивительного, поскольку авторы синтетических версий понимают МХ как тот или иной «объяснительный» вариант МИ. Соответственно, синтетическая версия формируется как отрицание *выдуманного* варианта МИ и замена его авторским, совпадающим с некоторой формулировкой одного из объяснительных вариантов МИ.

3. Не спор, а достижение понимания

Что же из этого следует? Следует жить...
Ю. Левитанский

Как показывает проведенное сопоставление, попытки «преодолеть» МИ со стороны представителей оригинальной институциональной экономической теории (ОИЭТ) основываются чаще всего на его неадекватной трактовке, замене его реального содержания и смысла *представлениями* о нем, которые *изобретаются*, а не *открываются* путем анализа первоисточников и последующей литературы. С моей точки зрения, такое положение дел на сегодня имеет чисто институциональные истоки. Моя гипотеза заключается в том, что правило, сложившееся в сообществе исследователей, относящих себя к ОИЭТ, таково, что отсутствие в их работах неременной критики НИЭТ будет негативно воспринято внутри сообщества, что снизит статус исследователя. Вполне возможно, что такое правило в действительности является лишь субъективной нормой, а не «настоящим» правилом, однако ожидаемые издержки от его нарушения представляются столь значительными, что все члены сообщества в большей или меньшей мере ему следуют¹⁴. В сообществе последователей НИЭТ сложилось иное правило, согласно которому ссылки на ОИЭТ не имеют ценности вследствие чисто описательного характера работ и отсутствия в них строгого анализа и эмпирически обоснованных выводов. В результате сторонники как ОИЭТ, так и НИЭТ не сотрудничают и не контактируют друг с другом только потому, что этому препятствуют внутренние правила каждого из сообществ. «Старые» институционалисты считают своим долгом обязательно где-то в текстах упомянуть о неспособности «новых» институционалистов решить ту или иную (на самом деле давно решенную) проблему, а «новые», в свою очередь, считают своим долгом не замечать, что делают и пишут «старые». В результате значительные усилия «старых» институционалистов расходуются не на производство новых знаний, а на малосодержательную критику, в то время как «новые» вынуждены самостоятельно делать то, что уже сделано «старыми».

¹⁴ Существует ли такое правило или это субъективная норма – тема специального исследования, выходящая за рамки данной статьи.

Непродуктивность попыток соединить несоединимое в методологии институционального анализа экономики ясно говорит о том, что развитие этой области экономической науки требует иных подходов, не связанных с формированием методологического единства. В чем могут они заключаться и каковы возможные пути движения в этом направлении?

С моей точки зрения, один из возможных путей может заключаться в переходе от односторонних упреков и взаимного непонимания к *взаимному обсуждению* результатов и процессов *эмпирических исследований*, выполненных в рамках того или иного из альтернативных подходов. Важно подчеркнуть, что речь идет именно и только об *эмпирических исследованиях*. Попытки сообща обсудить теоретические, а тем более методологические вопросы в лучшем случае завершатся ничем («противники» просто не явятся на обсуждение), а в худшем – закончатся личными оскорблениями (типа высказываний: «Учитывая интеллектуальную неоднородность аудитории...»).

Другими словами, только полученные эмпирические результаты дают возможность исследователям, имеющим альтернативные взгляды, уйти от абстрактного сопоставления методологий *в языке философов науки* к конкретному изучению и оценке выявленных фактов и закономерностей, способов их обоснования и т.п. *в языке экономистов*. Кстати, выявление различных трактовок одних и тех же терминов даст основания для сопоставления и, возможно, сближения в их понимании. Кроме того, обсуждение получаемых эмпирических результатов даст возможность оценивать их *практическую значимость*, в том числе и *осуществимость* формулируемых *рекомендаций*. Именно такой объект анализа позволит выявить сильные и слабые стороны использованных исследовательских методов и привести участников обсуждения к выводам, которые они смогут реализовать в своей исследовательской работе.

В ходе таких обсуждений их участники смогут гораздо яснее понять, каковы мотивы использования тех или иных методов эмпирического анализа, потенциал и ограничения этих методов, т.е. понять причины выбора метода, что очень важно для корректировки используемой методологии. Ведь если примененная совокупность методов приводит к результатам, неудовлетворительность которых ясна (показана и обоснована), нельзя не задуматься: а тот ли метод анализа выбран?

ЛИТЕРАТУРА

- Бирюков В. (2018). Культурологическая парадигма видения экономической деятельности // Общество и экономика. № 9. С. 91–101.
- Бьюкенен Дж. (1997). Сочинения. Конституция экономической политики. Расчет согласия. Границы свободы. М.: Таурис Альфа.
- Гофман А.Б. (2005). Существует ли общество? От психологического редукционизма к эпифеноменализму в интерпретации социальной реальности // Социологические исследования. № 1. С. 18–25.
- Елисеев А.Н., Макарова Н.Н., Тамбовцев В.Л. (1997). Институциональный анализ науки. М.: ТЕИС.
- Канарис Г.Ю. (2015). Идея органицизма в современных исследованиях человека и общества // Философия и современность. №2. С. 50–60.
- Кирдина С.Г. (2013). К переосмыслению принципа методологического индивидуализма. М.: Институт экономики РАН.
- Кирдина С.Г. (2014). Междисциплинарные исследования в экономике и социологии: проблемы методологии // Общественные науки и современность. №5. С. 60–75.
- Кирдина С.Г. (2013). Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. №10. С. 66–89.
- Кирдина С.Г. (2013). Преодолевая ограничения методологического индивидуализма // Журнал экономической теории. № 4. С. 100–110.
- Князев Ю.К. (2019). Индивидуализм и коллективизм в современной экономике. М.: Институт экономики РАН.
- Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. (2002). Институциональная экономика: Курс лекций. М.: МФТИ. window.edu.ru/resource/070/39070/files/mipt017.pdf (дата обращения 11.06.2020).
- Лихтер П.Л. (2017). Холизм Древней Греции и редукционизм современного мира: правовые аспекты // Философия права. № 3. (82). С. 158–165.

- Мизес Л. фон* (2005). Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. Челябинск: Социум.
- Моргунова А.Г., Носков Э.Г.* (2012). Университет: опыт институционального анализа // Основы экономики, управления и права. № 5. С. 13–15.
- Нестеренко А.Н.* (2002). Экономика и институциональная теория. М.: Эдиториал УРСС.
- Рогожникова В.Н.* (2015). Экономический человек в XXI веке // Проблемы современной экономики. № 4 (56). С. 70–74.
- Стрижак Е.О.* (2013). Онтологические и методологические основы направлений институциональной экономической теории // Journal of Institutional Studies №5. С. 48–63.
- Фролов Д.П.* (2016). Методологический институционализм 2.0: от институтов – к институциональным конфигурациям // Вопросы экономики. № 7. С.147–160.
- Abrams B.A., Lewis K.A.* (1995). Cultural and institutional determinants of economic growth: a cross-section analysis // Public Choice/ Vol. 83. No. 3–4. Pp. 273–289.
- Agassi J.* (1975). Institutional individualism // British Journal of Sociology. Vol. 26. No. 2. Pp. 144–155.
- Agassi J.* (1960). Methodological Individualism // British Journal of Sociology. Vol. 11. No. 3. Pp. 244–270.
- Ali A.M.* (2003). Institutional differences as sources of growth differences // Atlantic Economic Journal. Vol. 3. No. 4. Pp. 348–362.
- Bekoff M.* (1972). The Development of Social Interaction, Play, and Metacommunication in Mammals: An Ethological Perspective // Quarterly Review of Biology. Vol. 47. No. 4. Pp. 412–434.
- Braybrooke D.* (1987). Philosophy of Social Science. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Bubandt N., Otto T.* (2010). Anthropology and the Predicaments of Holism / T. Otto and N. Bubandt (Eds.) // Experiments in Holism: Theory and Practice in Contemporary Anthropology. Chichester: Wiley-Blackwell. Pp. 1–15.
- Bulle N.* (2019). Methodological individualism as anti-reductionism // Journal of Classical Sociology. Vol. 19. No. 2. Pp. 161–184.
- Bunge M.* (2000). Systemism: the alternative to individualism and holism // Journal of Socio-Economics. Vol. 29. No. 2. Pp. 147–157.
- Coker F. W.* (1910). Organismic Theories of the State: Nineteenth Century Interpretations of the State as Organism or as Person. New York: Columbia University; Longmans; Green & Co. archive.org/stream/organismictheori00cokeuoft/organismictheori00cokeuoft_djvu.txt.
- Colin J.-P., Losch B.* (1994). “But Where on Earth Has Mamadou Hidden His Production Function?” French Africanist Rural Economics and Institutionalism / J.M. Acheson (Ed.) // Anthropology and institutional economics. Lanham: University Press of America. Pp. 332–363.
- Denzau A.T., North D.* (1994). Shared Mental Models: Ideologies and Institutions // Kyklos. Vol. 47. No. 1. Pp. 3–31.
- Douglas M.* (1987). How Institutions Think. London: Routledge and Kegan Paul.
- Dove G.* (2016). Three symbol ungrounding problems: Abstract concepts and the future of embodied cognition // Psychonomic Bulletin & Review Vol. 23. No. 4. Pp. 1109–1121.
- Durkheim E.* (1938). The Rules of Sociological Method (8th ed.). Chicago: University of Chicago Press.
- Elster J.* (2003 [1982]). Marxism, functionalism, and game theory: The case for methodological individualism / D. Matravers and J. Pike (Eds.) // Debates in Contemporary Political Philosophy: An Antology. New York: Routledge – Open University. Pp. 22–40.
- Epstein B.* (2009). Ontological Individualism Reconsidered // Synthese. Vol. 166. No. 1. Pp. 187–213.
- Flew A.* (1985). Thinking about Social Thinking: The Philosophy of the Social Sciences. New York: Basil Blackwell.
- Goldinger S.D., Papesh M.H., Barnhart A.S., Hansen W.A., Hout M.C.* (2016). The poverty of embodied cognition // Psychonomic Bulletin & Review. Vol. 23. No. 4. Pp. 959–978.
- Goldstein L.J.* (1956). The inadequacy of the principle of methodological individualism // Journal of Philosophy. Vol. 53. No. 25. Pp. 801–813.
- Gordon S.* (2003). The History and Philosophy of Social Science. London and New York: Routledge.
- Granovetter M.* (2007). Introduction for the French Reader // Sociologica. No. 2. Pp. 1–9.
- Groenewegen J.* (2002). Toward a Teaching of Pluralistic Economics in the Netherland: Some experience from the Erasmus University Rotterdam. Colloque “Enseigner l'économie”, les 3 et 4 avril. Clermont-Ferrand.
- Hamilton W.H.* (1919). The Institutional Approach to Economic Theory // American Economic Review. Vol. 9. No. 1. Pp. 309–318.
- Ho D.Y.F.* (1998). Interpersonal relationships and relationship dominance: An analysis based on methodological relationalism // Asian Journal of Social Psychology. Vol. 1. No. 1. Pp. 1–16.
- Ho D.Y.F., Peng S., Cheng Lai A., Chan S.F.* (2001). Indigenization and beyond: Methodological relationalism in the study of personality across cultural traditions // Journal of Personality. Vol. 69. No. 6. Pp. 925–953.
- Hodgson G.M.* (1999). A brief response to Jürgen Lange-von Kulesa // Journal of Economic Methodology. Vol. 6. No. 3. Pp. 439–441.
- Hodgson G.M.* (2003). How Veblenian Evolutionary Thinking Transcends Methodological Individualism and Methodological Collectivism // Economie et Institutions. No. 3. Pp. 5–28.

- Hodgson G.M.* (2006). Institutional Economics, the Individual Actor and Institutional Change. For the Alexander von Humboldt Lecture at the University of Nijmegen, December the 5th.
- Hodgson G. M.* (2000). What is the Essence of Institutionalism? // *Journal of Economic Issues*. Vol. 34. No. 2. Pp. 317–329.
- Jackson W.A.* (2002). Functional explanation in economics: a qualified defence // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 9. No. 2. Pp. 169–189.
- Joronen M., Häkli J.* (2017). Politicizing ontology // *Progress in Human Geography*. Vol. 41. No. 5. Pp. 561–579.
- Kincaid H.* (2004). Methodological individualism and economics. / J.B. Davis, A. Marciano and J. Runde (Eds) // *Elgar Companion to Economics and Philosophy*. Aldershot: Elgar. Pp. 299–314.
- Kivinen O., Piironen T.* (2006). Toward Pragmatist Methodological Relationalism: From Philosophizing Sociology to Sociologizing Philosophy // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 36. No. 3. Pp. 303–329.
- Lange-von Kulesa J.* (1999). A brief reaction to a brief response // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 6. No. 3. Pp. 443–444.
- Lange-von Kulesa J.* (1997). Searching for a methodological synthesis – Hayek’s individualism in the light of recent holistic criticism // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 4. No. 2. Pp. 267–287.
- Lemke J., Kroencke J.* (2020). Methodological confusions and the science wars in economics // *Review of Austrian Economics*. Vol. 33. No. 1–2. Pp. 87–106.
- Lewis O.A., Steinmo S.* (2012). How institutions evolve: Evolutionary theory and institutional change // *Polity*. Vol. 44. No. 3. Pp. 314–339.
- Lukes S.* (1968). Methodological individualism reconsidered // *British Journal of Sociology*. Vol. 19. No. 2. Pp. 119–129.
- McCloskey H.J.* (1963). The State as an Organism, as a Person, and as an End in Itself // *Philosophical Review*. Vol. 72. No. 3. Pp. 306–326.
- Meramveliotakis G.* (2018). New Institutional Economics: A Critique of Fundamentals & Broad Strokes Towards an Alternative Theoretical Framework for the Analysis of Institutions // *Asian Journal of Social Science Studies*. Vol. 3. No. 2. Pp. 50–64.
- Merton R.K.* (1973 [1942]). The normative structure of science. / Merton R.K. // *The sociology of science*. Chicago: University of Chicago Press. Pp. 267–280.
- Nooteboom B.* (2007). Methodological interactionism: Theory and application to the firm and to the building of trust // *Review of Austrian Economics*. Vol. 20. No. 2. Pp. 137–153.
- North D.C.* (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Oliveira T.D., Suprinyak C.E.* (2018). The nature and significance of Lionel Robbins’ methodological individualism // *Economia*. Vol. 19. Pp. 24–37.
- Olivier de Sardan J.-P.* (2005). *Anthropology and Development: Understanding Contemporary Social Change*. London & New York: Zed Books.
- Pettit P.* (1993). *The Common Mind: An Essay on Psychology, Society, and Politics*. New York: Oxford University Press.
- Phillips D.C.* (1976). *Holistic Thought in Social Science*. Stanford: Stanford University Press.
- Ritzer G., Gindoff P.* (1992). Methodological Relationism: Lessons for and from Social Psychology // *Social Psychology Quarterly*. Vol. 55. No. 2. Pp. 128–140.
- Sawyer R.K.* (2005). *Social Emergence: Societies as Complex Systems*. New York: Cambridge University Press.
- Schatzki T.R.* (2003). A New Societist Social Ontology // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 33. No. 2. Pp. 174–202.
- Schumpeter J.* (1909). On the Concept of Social Value // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 23. No. 2. Pp. 213–232.
- Snow C.P.* (1959). *The Two Cultures and the Scientific Revolution*. London: Oxford University Press.
- Stefanović Z., Petrović D. P.* (2016). The ‘Institutions-Individual’ Conceptual Nexus as a Basis of Alternative Economic Methodologies // *Economic Themes*. Vol. 54. No. 1. Pp. 1–20.
- Stein J.* (1997). How Institutions Learn: A Socio-Cognitive Perspective // *Journal of Economic Issues*. Vol. 31. No. 3. Pp. 729–740.
- Stogiannos A.* (2019). Fr. Ratzel’s State as a “Social Organism”. / A. Stogiannos // *The Genesis of Geopolitics and Friedrich Ratzel: Dismissing the Myth of the Ratzelian Geodeterminism*. Cham: Springer. Pp. 29–55.
- Tabellini G.* (2010). Culture and institutions: economic development in the regions of Europe // *Journal of the European Economic Association*. Vol. 8. No. 4. Pp. 677–716.
- Thompson M.* (2018). How banks and other financial institutions think // *British Actuarial Journal*. Vol. 23. No. 5. Pp. 1–16.
- Toboso F.* (1995). Explaining the Process of Change Taking Place in Legal Rules and Social Norms: The Cases of Institutional Economics and New Institutional Economics // *European Journal of Law and Economics*. Vol. 2. No. 1. Pp. 63–84.
- Toboso F.* (2001). Institutional individualism and institutional change: the search for a middle way mode of explanation // *Cambridge Journal of Economics*. Vol. 25. No. 6. Pp. 765–783.
- Tunander O.* (2001). Swedish-German geopolitics for a new century: Rudolf Kjellén’s “The State as a Living Organism” // *Review of International Studies*. Vol. 27. No. 3. Pp. 451–463.

- Udehn L. (2002). The Changing Face of Methodological Individualism // *Annual Review of Sociology*. Vol. 28. Pp. 479–507.
- Veblen T.B. (1909). The Limitations of Marginal Utility // *Journal of Political Economy*. Vol. 17. No. 9. 620–636.
- Veblen T.B. (1898). Why Is Economics Not an Evolutionary Science? // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 12. No. 3. Pp. 373–397.
- Vilber C.K., Harrison R.S. (1978). The Methodological Basis of Institutional Economics: Pattern Model, Storytelling, and Holism // *Journal of Economic Issues*. Vol. 12. No. 1. Pp. 61–89.
- Wagner R.E. (2007). Value and exchange: Two windows for economic theorizing // *Review of Austrian Economics*. Vol. 20. No. 2. Pp. 97–103.
- Walliser B. (2003). Organizational levels and time scales in economics. / D. Courgeau (Ed.) // *Methodology and Epistemology of Multilevel Analysis: Approaches from Different Social Sciences*. Paris: Institut National d'Etudes Démographiques. Pp. 160–176.
- Weber M. (1968 [1921]). *Basic Sociological Terms*. / M. Weber // *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press. Pp. 3–62.
- Weller J. (2019). Critical reflection through personal pronoun analysis (critical analysis) to identify and individualise teacher professional development // *Teacher Developments*. Vol. 23. No. 1. Pp. 139–154.
- Williamson O.E. (1975). *Markets and Hierarchies. Analysis and Antitrust Implications*. New York: Free Press.
- Wilson M. (2002). Six views of embodied cognition // *Psychonomic Bulletin & Review*. Vol. 9. No. 4. Pp. 625–636.
- Young O. R. (1989). *International Cooperation: Building Regimes for Natural Resources and the Environment*. Ithaca: Cornell University Press.
- Zaharna R.S. (2016). Beyond the Individualism–Collectivism Divide to Relationalism: Explicating Cultural Assumptions in the Concept of “Relationships” // *Communication Theory*. Vol. 26. No. 2. Pp. 190–211.
- Zahle J. (2016). Methodological Holism in the Social Sciences. / Edward N. Zalta (Ed.). // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2016 Edition). plato.stanford.edu/archives/sum2016/entries/holism-social.
- Zouboulakis M.S. (2002). John Stuart Mill's institutional individualism // *History of Economic Ideas*. Vol. 10. No. 3. Pp. 29–45.

Тамбовцев Виталий Леонидович

tambovtsev@econ.msu.ru

Vitaly Tambovtsev

Doctor of sciences (Economics), professor, chief researcher scientist, faculty of Economics Lomonosov Moscow State University.

tambovtsev@econ.msu.ru

UNPRODUCTIVITY OF THE METHODOLOGICAL FUSION'S ATTEMPTS

Annotation. The paper is devoted to the attempts to find a “third pathway” between methodological holism and methodological individualism. Dynamics of these principles' development has analyzed. It is shown that each of them includes the basic ontological principle, and some amounts of explicative principles, where latter principles are remarkably similar. The analysis of seven attempts to find a “third pathway” is presented, and it is shown that these attempts are based on incorrect methodological individualism understandings. At the end of the paper the possible direction of the initial economic institutionalism and new institutional economics interaction has been suggested that can help to move beyond their confrontation.

Keywords: *methodological holism, methodological individualism, “third pathway”.*

JEL: B15, B25, B52.

REFERENCES

- Abrams B. A., Lewis K.A. (1995). Cultural and institutional determinants of economic growth: a cross-section analysis // *Public Choice*. Vol. 83. No. 3–4. Pp. 273–289.
- Agassi J. (1960). Methodological Individualism // *British Journal of Sociology*. Vol. 11. No. 3. Pp. 244–270.
- Agassi J. (1975). Institutional individualism // *British Journal of Sociology*. Vol. 26. No. 2. Pp. 144–155.
- Ali A.M. (2003). Institutional differences as sources of growth differences // *Atlantic Economic Journal*. Vol. 3. No. 4. Pp. 348–362.
- Bekoff M. (1972). The Development of Social Interaction, Play, and Metacommunication in Mammals: An Ethological Perspective // *Quarterly Review of Biology*. Vol. 47. No. 4. Pp. 412–434.

- Biryukov V.* (2018). Kul'turologicheskaya paradigm vedeniya ekonomicheskoy deyatelnosti [Cultural paradigm of the perception of economic reality] // *Obshchestvo i ekonomika*. No. 9. Pp. 91–101.
- Braybrooke D.* (1987). *Philosophy of Social Science*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Bubandt N., Otto T.* (2010). *Anthropology and the Predicaments of Holism*. / T. Otto and N. Bubandt (Eds.) // *Experiments in Holism: Theory and Practice in Contemporary Anthropology*. Chichester: Wiley-Blackwell. Pp. 1–15.
- Buchanan J.* (1997) *Sochineniya. Konstitutsiya ekonomicheskoy politiki, Raschet soglasiya. Granitsy svobody*. [Selected Works: The Constitution of Economic Policy. The Calculus of Consent. The Limits of Liberty.] Moscow: Taurus Alfa.
- Bulle N.* (2019). Methodological individualism as anti-reductionism // *Journal of Classical Sociology*. Vol. 19. No. 2. Pp. 161–184.
- Bunge M.* (2000). Systemism: the alternative to individualism and holism // *Journal of Socio-Economics*. Vol. 29. No. 2. Pp. 147–157.
- Coker F.W.* (1910). *Organismic Theories of the State: Nineteenth Century Interpretations of the State as Organism or as Person*. New York: Columbia University; Longmans; Green & Co. archive.org/stream/organismictheori00cokeuoft/organismictheori00cokeuoft_djvu.txt.
- Colin J.-P., Losch B.* (1994). “But Where on Earth Has Mamadou Hidden His Production Function?” *French Africanist Rural Economics and Institutionalism* / J. M. Acheson (Ed.) // *Anthropology and institutional economics*. Lanham: University Press of America. Pp. 332–363.
- Denzau A.T., North D.* (1994). Shared Mental Models: Ideologies and Institutions // *Kyklos*. Vol. 47. No. 1. Pp. 3–31.
- Douglas M.* (1987). *How Institutions Think*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Dove G.* (2016). Three symbol ungrounding problems: Abstract concepts and the future of embodied cognition // *Psychonomic Bulletin & Review* Vol. 23. No. 4. Pp. 1109–1121.
- Durkheim E.* (1938). *The Rules of Sociological Method* (8th ed.). Chicago: University of Chicago Press.
- Eliseev A.N., Makarova N.N., Tambovtsev V.L.* (1997). *Institutsional'nyy analiz nauki* [Institutional analysis of science]. Moscow: TEIS.
- Elster J.* (2003 [1982]). Marxism, functionalism, and game theory: The case for methodological individualism / D. Matravers and J. Pike (Eds.). // *Debates in Contemporary Political Philosophy: An Antology*. New York: Routledge Open University. Pp. 22–40.
- Epstein B.* (2009). Ontological Individualism Reconsidered // *Synthese*. Vol. 166. No. 1. Pp. 187–213.
- Flew A.* (1985). *Thinking about Social Thinking: The Philosophy of the Social Sciences*. New York: Basil Blackwell.
- Frolov D.* (2016). Metodologicheskii institutsionalizm 2.0: ot institutov – k institutsional'nyim konfiguratsiyam [Methodological institutionalism 2.0: From institutions to institutional configurations] // *Voprosy ekonomiki*. No. 7. Pp. 147–160.
- Gofman A.B.* (2005) Sushchestvuet li obshchestvo? Ot psikhologicheskogo reduksionizma k epifenomenalizmu v interpretatsii sotsial'noy real'nosti [Does society exist? From psychological reductionism to epiphenomenalism in interpreting social reality] // *Sociologicheskie issledovaniya*. No. 1. Pp. 18–25.
- Goldinger S.D., Papesh M.H., Barnhart A.S., Hansen W.A., Hout M.C.* (2016). The poverty of embodied cognition // *Psychonomic Bulletin & Review*. Vol. 23. No. 4. Pp. 959–978.
- Goldstein L.J.* (1956). The inadequacy of the principle of methodological individualism // *Journal of Philosophy*. Vol. 53 No. 25. Pp. 801–813.
- Gordon S.* (2003). *The History and Philosophy of Social Science*. London and New York: Routledge.
- Granovetter M.* (2007). Introduction for the French Reader // *Sociologica*. No. 2. Pp. 1–9.
- Groenewegen J.* (2002). Toward a Teaching of Pluralistic Economics in the Netherland: Some experience from the Erasmus University Rotterdam. Colloque “Enseigner l'économie”, les 3 et 4 avril. Clermont-Ferrand.
- Hamilton W.H.* (1919). The Institutional Approach to Economic Theory // *American Economic Review*. Vol. 9. No. 1. Pp. 309–318.
- Ho D.Y.F.* (1998). Interpersonal relationships and relationship dominance: An analysis based on methodological relationalism // *Asian Journal of Social Psychology*. Vol. 1. No. 1. Pp. 1–16.
- Ho D.Y.F., Peng S., Cheng Lai A., Chan S.F.* (2001). Indigenization and beyond: Methodological relationalism in the study of personality across cultural traditions // *Journal of Personality*. Vol. 69. No. 6. Pp. 925–953.
- Hodgson G.M.* (1999). A brief response to Jürgen Lange-von Kulesa // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 6. No. 3. Pp. 439–441.
- Hodgson G.M.* (2000). What is the Essence of Institutionalism? // *Journal of Economic Issues*. Vol. 34/ No. 2. Pp. 317–329.
- Hodgson G.M.* (2003). How Veblenian Evolutionary Thinking Transcends Methodological Individualism and Methodological Collectivism // *Economie et Institutions*. No. 3. Pp. 5–28.
- Hodgson G.M.* 2006. Institutional Economics, the Individual Actor and Institutional Change. For the Alexander von Humboldt Lecture at the University of Nijmegen, December the 5th.

- Jackson W.A. (2002). Functional explanation in economics: a qualified defence // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 9. No. 2. Pp. 169–189.
- Joronen M., Häkli J. (2017). Politicizing ontology // *Progress in Human Geography*. Vol. 41. No. 5. Pp. 561–579.
- Kanarsh G.Y. (2015). Ideya organitsizma v sovremennykh issledovaniyakh cheloveka i obshchestva [The idea of organicism in contemporary studies of man and society] // *Filosofiya i sovremennost'*. No. 2. Pp. 50–60.
- Kincaid H. (2004). Methodological individualism and economics. / J.B. Davis, A. Marciano and J. Runde (Eds) // *Elgar Companion to Economics and Philosophy*. Aldershot: Elgar. Pp. 299–314.
- Kirdina S. (2013). Metodologicheskii individualizm i metodologicheskii institutsionalizm [Methodological Individualism and Methodological Institutionalism] // *Voprosy ekonomiki*. No. 10. Pp. 66–89.
- Kirdina S.G. (2013). K pereosmysleniyu printsipa metodologicheskogo individualizma [Rethinking the methodological individualism principle]. Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.
- Kirdina S.G. (2013). Preodolevaya ogranicheniya metodologicheskogo individualizma [Overcoming the Limitations of Methodological Individualism] // *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii*. No. 4. Pp. 100–111.
- Kirdina S.G. (2014). Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya v ekonomike i sotsiologii: problemy metodologii [Interdisciplinary research in economics and sociology: methodology problems] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 5. Pp. 60–75.
- Kivinen O., Piironen T. (2006). Toward Pragmatist Methodological Relationalism: From Philosophizing Sociology to Sociologizing Philosophy // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 36. No. 3. Pp. 303–329.
- Knyazev Y. (2019). Individualizm i kollektivizm v sovremennoy ekonomike [Individualism and collectivism in contemporary economy]. Moscow: IE RAS.
- Kuzminov Ya.I., Yudkevich M.M. (2002). Institutional economics: Lectures Course [Institutsionalnaya ekonomika: kurs lektsiy]. Moscow: Moscow Institute of Physics and Technology State University (MIPT). (<http://window.edu.ru/resource/070/39070/files/mipt017.pdf>). Accessed 11.06.2020.
- Lange-von Kulesa J. (1997). Searching for a methodological synthesis – Hayek's individualism in the light of recent holistic criticism // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 4. No. 2. Pp. 267–287.
- Lange-von Kulesa J. (1999). A brief reaction to a brief response // *Journal of Economic Methodology*. Vol. 6. No. 3. Pp. 443–444.
- Lemke J., Kroencke J. (2020). Methodological confusions and the science wars in economics // *Review of Austrian Economics*. Vol. 33. No. 1–2. Pp. 87–106.
- Lewis O.A., Steinmo S. (2012). How institutions evolve: Evolutionary theory and institutional change // *Polity*. Vol. 44. No. 3. Pp. 314–339.
- Lukes S. (1968). Methodological individualism reconsidered // *British Journal of Sociology*. Vol. 19. No. 2. Pp. 119–129.
- McCloskey H.J. (1963). The State as an Organism, as a Person, and as an End in Itself // *Philosophical Review*. Vol. 72. No. 3. Pp. 306–326.
- Meramveliotakis G. (2018). New Institutional Economics: A Critique of Fundamentals & Broad Strokes Towards an Alternative Theoretical Framework for the Analysis of Institutions // *Asian Journal of Social Science Studies*. Vol. 3. No. 2. Pp. 50–64.
- Merton R.K. (1973 [1942]). The normative structure of science. / Merton R.K. // *The sociology of science*. Chicago: University of Chicago Press. Pp. 267–280.
- Morgunova A.G., Noskov E.G. (2012). Universitet: opyt institutsional'nogo analiza [University: An experience of institutional analysis] // *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava*. No. 5. Pp. 13–15.
- Nesterenko A. N. (2002). Ekonomika i institutsional'naya teoriya [Economics and institutional theory]. Moscow: Editorial URSS.
- Nooteboom B. (2007). Methodological interactionism: Theory and application to the firm and to the building of trust // *Review of Austrian Economics*. Vol. 20. No. 2. Pp. 137–153.
- North D.C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Oliveira T.D., Suprinyak C.E. (2018). The nature and significance of Lionel Robbins' methodological individualism // *Economia*. Vol. 19. Pp. 24–37.
- Olivier de Sardan J.-P. (2005). *Anthropology and Development: Understanding Contemporary Social Change*. London & New York: Zed Books.
- Pettit P. (1993). *The Common Mind: An Essay on Psychology, Society, and Politics*. New York: Oxford University Press.
- Phillips D.C. (1976). *Holistic Thought in Social Science*. Stanford: Stanford University Press.
- Ritzer G., Gindoff P. (1992). Methodological Relationism: Lessons for and from Social Psychology // *Social Psychology Quarterly*. Vol. 55. No. 2. Pp. 128–140.
- Rogozhnikova V.N. (2015). Ekonomicheskii chelovek v XXI veke [Homo Economicus of the XXI century] // *Problemy sovremennoi ekonomiki* No. 4. Pp. 70–74.
- Sawyer R.K. (2005). *Social Emergence: Societies as Complex Systems*. New York: Cambridge University Press.
- Schatzki T.R. (2003). A New Societist Social Ontology // *Philosophy of the Social Sciences*. Vol. 33. No. 2. Pp. 174–202.
- Schumpeter J. (1909). On the Concept of Social Value // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 23. No. 2. Pp. 213–232.

- Snow C.P.* (1959). *The Two Cultures and the Scientific Revolution*. London: Oxford University Press.
- Stefanović Z., Petrović D.P.* (2016). The 'Institutions-Individual' Conceptual Nexus as a Basis of Alternative Economic Methodologies // *Economic Themes*. Vol. 54. No. 1. Pp. 1–20.
- Stein J.* (1997). How Institutions Learn: A Socio-Cognitive Perspective // *Journal of Economic Issues*. Vol. 31. No. 3. Pp. 729–740.
- Stogiannos A.* (2019). Fr. Ratzel's State as a "Social Organism". / A. Stogiannos // *The Genesis of Geopolitics and Friedrich Ratzel: Dismissing the Myth of the Ratzelian Geodeterminism*. – Cham: Springer. Pp. 29–55.
- Stryzhak E.O.* (2013). Ontologicheskiye i metodologicheskiye osnovy napravleniy institutsional'noy ekonomicheskoy teorii [Ontological and methodological foundations of institutional economic theory's directions] // *Journal of Institutional Studies*. Vol. 5. No. 2. Pp. 48–63.
- Tabellini G.* (2010). Culture and institutions: economic development in the regions of Europe // *Journal of the European Economic Association*. Vol. 8. No. 4. Pp. 677–716.
- Thompson M.* (2018). How banks and other financial institutions think // *British Actuarial Journal*/ Vol. 23 . No. 5. Pp. 1–16.
- Toboso F.* (1995). Explaining the Process of Change Taking Place in Legal Rules and Social Norms: The Cases of Institutional Economics and New Institutional Economics // *European Journal of Law and Economics*. Vol. 2. No. 1. Pp. 63–84.
- Toboso F.* (2001). Institutional individualism and institutional change: the search for a middle way mode of explanation // *Cambridge Journal of Economics*. Vol. 25. No. 6. Pp. 765–783.
- Tunander O.* (2001). Swedish-German geopolitics for a new century: Rudolf Kjellén's "The State as a Living Organism" // *Review of International Studies*. Vol. 27. No. 3. Pp. 451–463.
- Udehn L.* (2002). The Changing Face of Methodological Individualism // *Annual Review of Sociology*. Vol. 28. Pp. 479–507.
- Veblen T.B.* (1898). Why Is Economics Not an Evolutionary Science? // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 12. No. 3. Pp. 373–397.
- Veblen T.B.* (1909). The Limitations of Marginal Utility // *Journal of Political Economy*. Vol. 17. No. 9. 620–636.
- Vilber C.K., Harrison R. S.* (1978). The Methodological Basis of Institutional Economics: Pattern Model, Storytelling, and Holism // *Journal of Economic Issues*. Vol. 12. No. 1. Pp. 61–89.
- Wagner R. E.* (2007). Value and exchange: Two windows for economic theorizing // *Review of Austrian Economics*. Vol. 20. No. 2. Pp. 97–103.
- Walliser B.* (2003). Organizational levels and time scales in economics. / D. Courgeau (Ed.). // *Methodology and Epistemology of Multilevel Analysis: Approaches from Different Social Sciences*. – Paris: Institut National d'Etudes Démographiques. Pp. 160–176.
- Weber M.* (1968 [1921]). *Basic Sociological Terms*. / M. Weber // *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. – Berkeley: University of California Press. Pp. 3–62.
- Weller J.* (2019). Critical reflection through personal pronoun analysis (critical analysis) to identify and individualise teacher professional development // *Teacher Developments*. Vol. 23. No. 1. Pp. 139–154.
- Williamson O.E.* (1975). *Markets and Hierarchies. Analysis and Antitrust Implications*. – New York: Free Press.
- Wilson M.* (2002). Six views of embodied cognition // *Psychonomic Bulletin & Review*. Vol. 9. No. 4. Pp. 625–636.
- Young O.R.* (1989). *International Cooperation: Building Regimes for Natural Resources and the Environment*. Ithaca: Cornell University Press.
- Zaharna R.S.* (2016). Beyond the Individualism–Collectivism Divide to Relationalism: Explicating Cultural Assumptions in the Concept of "Relationships" // *Communication Theory*. Vol. 26. No. 2. Pp. 190–211.
- Zahle J.* (2016). Methodological Holism in the Social Sciences. / Edward N. Zalta (Ed.). // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2016 Edition). URL = <<https://plato.stanford.edu/archives/sum2016/entries/holism-social/>>.
- Zouboulakis M.S.* (2002). John Stuart Mill's institutional individualism // *History of Economic Ideas*. Vol. 10. No. 3. Pp. 29–45.